

В самый разгар революции, в эпоху междоусобиц и кровопролитий, Русская Церковь установила праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. Празднуется он во второе воскресение после Троицы, через неделю после праздника Всех святых, и о нем уместно вспомнить в наши дни, когда перед сознанием не только русских, но и всех людей остро стоит вопрос об отношении к своей стране и родному народу – извечный вопрос о правильном или ложном патриотизме.

Человеку свойственно любить Родину. Еще древние римляне говорили: «Сладко и прекрасно умирать за Родину». А наш российский поэт сказал: «И дым Отечества нам сладок и приятен»⁶. Но гораздо реже задумывался человек и задумывается над смыслом подлинной любви к Родине. И еще реже – над просветлением и очищением этого природного и естественного чувства. И вот именно тут, возможно, и поможет нам этот, в грозе и буре родившийся, праздник Всех русских святых.

Историки всех народов, в том числе и русского, приучили нас думать о развитии каждой страны как о прогрессе, то есть, во-первых, как о восхождении от худшего к лучшему и, во-вторых, как о прогрессе силы, завоевания и объединения земли, роста государственных учреждений, победоносной славы и так далее. И как о росте и развитии культурных ценностей, литературы, искусства, всевозможных памятников – это в-третьих. В эту обычную для всех схему представители той или иной идеологии вносят свои поправки. Так, например, коммунисты поворят об освобождении от эксплуатации и деспотизма, историки – антиколониалисты – об освобождении от империалистов. Но схема, в основном, остается той же – мой народ, моя страна, слава родины, смерть врагам. И поколение за поколениями людей упиваются этими чувствами национальной гордости и славы. Но мы, верующие, должны, обязаны посмотреть на патриотизм, на эту стихийную и повсеместную «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»⁷ с духовной, религиозной, христианской точки зрения. Не только про человека, но и про каждый народ можно и нужно сказать словами Христа: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф.16:26). Слишком часто кажется, что даже если к себе человек готов применить эти слова, то по

отношению к народу, стране, государству он считает их ненужными, к делу не относящимися. Есть даже старая английская пословица, которой очень гордятся англичане: «Я за мою страну – права она или не права». Словно чувство морали, нравственная ответственность, критерии добра и зла исчезают, когда дело доходит до родины и патриотизма.

Так вот, если взглянуть глазами веры и духа на историю России, то находим мы в этой истории, а может и в истории каждого народа, не только рост территории, усиление государства, не только славу и победу, не только великие завоевания культуры или политики, но находим мы в ней и некую изначальную и постоянную поляризацию. Словно всегда на нашей земле противостояли два замысла, два устремления, две основные установки: одна как бы говорит – слава и сила, а другая отвечает – правда и дух. Одна говорит – все подчинено национальным интересам, другая отвечает – национальный интерес подчинен духу и правде. Одна говорит – живи для Родины, другая говорит – пусть Родина живет для вечного, высшего, духовного и истинного.

На самом деле, история – это не столько прогресс, сколько извечная борьба двух основоположных начал, высшего и низшего. В применении к России и к родному народу я назвал бы их – «Россией тяжелой» и «Россией легкой».

Да, была, есть и, возможно, всегда будет «Россия тяжелая» – это Россия силы и славы, это упоение собственным могуществом, это гимны шестой части суши, стране, в которой никогда не заходит солнце. Это Россия постоянного под-

чинения всех сил, всех людей вот этим земным интересам могущества, грозности, внешнего благополучия. Но сквозь эту «тяжелую Россию» как бы просвечивает светлый образ «России легкой», России, воплощенной в тех, кто с самого начала, буквально с самых первых веков ее исторического существования всей силой, всему могуществу, всем земным успехам предпочел торжество духа, сияние любви и жалости, трудный подвиг нравственного восхождения.

Есть древняя русская легенда о граде Китеже, утонувшем в лесном озере городе, олицетворяющем именно

это легкое и светлое видение Родины. «Легкая Россия», затонувшая посредине «России тяжелой», но все еще притягивающая к себе, зовущая и призывающая колокольным звоном, красотой, духовностью, неземным своим полетом. Вот об этой России и напоминают, ее создали в себе и хранят эти бесчисленные русские святые – от Феодосия Печерского, который в самом сердце Киева создал очаг духовной жизни, от преподобного Сергия Радонежского, просветившего тьму северных лесов и безысходно тяжелой жизни, до преподобного Серафима Саровского с его светлой пасхальной радостью, до бесчисленных безвестных, тихих праведников наших дней, которые в основу всей своей жизни положили слова христианского призыва: «Духа не угашайте» (1Сол.5:19). Об этой легкой России, об ее красоте и правде говорить в наши дни не принято, напротив, ее приказано забыть, как если бы ее никогда и не было; но она была, есть и будет.

Не хлебом единым жив человек, и не человек только, но и целый народ. Ему можно без конца твердить о славе и могуществе, об экономике и земных успехах, но он знает, что у него есть не только тело тяжелое, как и всякое тело, он знает, что у него есть дух и душа и что ему нужна, насущно нужна вот эта мечта о духе и правде, без которой жизнь темна и бессмысленна. И вопрос истории каждого народа, каждой страны – в том, кто победит – тело или дух. Тяжелый замысел земли или легкий порыв к небу.

Прот. Александр Шмеман

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД?

«Русская Библия» – мы все знаем, что это такое. Конечно же, это Синодальный перевод, и он, казалось, был всегда... Но на самом деле ему меньше полутора веков. Почему получилось так, что современники Пушкина не могли читать Библию по-русски? По каким принципам выполнен этот перевод, в чем его достоинства и недостатки?

Достаточно ли нам только этого перевода?

ДОПУСТИМ ЛИ РУССКИЙ ПЕРЕВОД?

Попытки переводить библейский текст на русский язык предпринимались достаточно давно: это были переложения псалмов Симеона Полоцкого (1680 г.), Авраамия Фирсова (1683 г.), Василия Тредиаковского (1753 г.). Есть сведения, что в царствование Петра I Библию переводил на русский пастор Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 г.

Принципиальное решение подготовить официальный перевод Библии на русский Святейший Синод по предложению императора Александра I принял только в начале 1816-го. Большую роль здесь сыграло учрежденное за несколько лет до того Российское Библейское общество, по образцу некоторых западных стран (первое подобное общество было создано в Великобритании). Цель подобных обществ с самого начала заключалась в том, чтобы обеспечить всех желающих изданием Библии по доступной цене и на родном языке, и вполне естественно, что в России это, прежде всего, был русский язык (хотя Библейское общество занималось и переводами на языки других народов).

Уже в 1819 г. было издано Четвероевангелие, а в 1821 г. – полный Новый Завет.

Первые издания были параллельными, с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 г. впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А. Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Филарет, будущий Московский святитель. Отставка Голицына в 1824-м году во многом определила и судьбу всего проекта: Библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 г. тираж первых восьми книг Ветхого Завета был сожжен на кирпичном заводе. Критики, первыми из которых были митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) и новый министр просвещения адмирал

А. С. Шишков, не столько были недовольны качеством перевода, сколько отрицали саму возможность и необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской. Разумеется, сыграла свою роль и настороженность по поводу мистических исканий и религиозных экспериментов тогдашнего петербургского общества.

Более чем на три десятилетия всякая официальная работа над переводом стала невозможной. Однако насущная потребность в нем никуда не делась, церковнославянский текст все же не мог удовлетворить всех: достаточно сказать, что А.С. Пушкин читал Библию по-французски. Поэтому продолжалась и неофициальная работа над переводами.

Здесь следует упомянуть прежде всего двух человек. Первый – это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819-м г. основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в «хронологическом» порядке, в соответствии с представлениями некоторых ученых того времени. Переводы показались студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже Санкт-Петербурга.

В результате в 1841-м г. по доносу на переводчика было проведено синодальное расследование. О. Герасим остался в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862 – 1863 гг., уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг

Ветхого Завета и Притчей. О. Герасим был последовательным сторонником перевода только с еврейского Масоретского текста, который в те времена ученые обычно отождествляли с оригиналом Библии.

Другой переводчик того времени – преподобный Макарий (Глухарев), просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня сохраняют о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Перевод Нового Завета и Псалтири к тому моменту уже существовал, хотя более не печатался и не распространялся, поэтому не случайно вся переводческая деятельность в ту пору была направлена на восполнение пробела в ветхозаветной части Писания. Для начала о. Макарий написал о своих предложениях митрополиту Филарету, но поскольку ответа не было, он с 1837 г. приступил к самостоятельной работе, отчасти пользуясь литографиями Павского. Результаты своих трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с приложением своего письма.

Тон его послания к Синоду – под статью книге Исайи, которую оно сопровождало.

О. Макарий обличает Синод за нежелание порадовать в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю II. Ответом была не слишком тяжелая епитимья... и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на о. Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время для этого перевода.

Однако о. Макарий продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; его переводы уже после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860 – 1867 гг. и использовались при подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту.

С КАКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕВОДИТЬ?

Во времена царствования Николая I, когда практическая работа по переводу могла носить только частный характер, митрополит Филарет разрабатывал теоретические основания для будущего перевода. Особую роль сыграла его записка к Священному Синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» (1845 г.) – по сути, методологическая основа будущего Синодального перевода.

Как мы видим, для большинства переводчиков того времени вопрос о текстологической основе для перевода Ветхого Завета просто не стоял – они брали дошедший до нас древнееврейский текст. В то же время всем было ясно, что традиционным текстом Православной Церкви всегда был «перевод семидесяти толковников» (Септуагинта), с которой в свое время был сделан и церковнославянский перевод. Нельзя сказать, чтобы другие варианты текста всегда отвергались: так, при подготовке первого полного издания Библии на Руси, т.н. «Геннадиевской Библии» 1499 г. использовался и латинский перевод, и отчасти даже еврейский Масоретский текст. Но все же Масоретский текст традиционно принадлежал скорее синагоге, чем Церкви.

Митрополит Филарет предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским текстом. Именно так и было решено поступить, когда на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 г.) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение не означало начала работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров).

Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречие, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.!» – восклицал митрополит Филарет Киевский. Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «иностранцев», в отношении которых оно выглядело совершенно утопично. Разделял эту позицию и оберпрокурор граф А.П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов,

Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 г. он подтвердил решение двухлетней давности: начать перевод. Император утвердил это решение. В результате в четырех Духовных Академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил Святитель Филарет Московский, который фактически был главным редактором этого перевода и посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 г.). Наконец, текст окончательно утверждался Синодом.

Таким образом, в 1860 г. было издано Четвероевангелие, а в 1862 г. Новый Завет.

Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала XIX в. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы о. Макария, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 г. по 1875 г. публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг.

Работа над ними велась в соответствии с принципами «Записки» митрополита Филарета: за основу брался еврейский текст, но к нему давались дополнения и делались исправления на основе текстов греческого и славянского. Наиболее очевидные из таких дополнений ставились в простые скобки, что создавало путаницу: скобки использовались и как обычный знак препинания. В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетавший элементы еврейского и греческого текста. Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на Западе (т.н. Textus receptus, т.е. «общепринятый текст»), и на Востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Итак, в 1876 г. была, наконец, издана полная Библия, получившая отныне на-

звание Синодальной. Однако на этом ее история не завершилась. Во-первых, в 1882 г. была выпущена протестантская редакция перевода «с разрешением Святейшего Правительствующего Синода для Английского Библейского Общества». В ее ветхозаветной части были удалены все слова, помещенные в скобки. Это не привело и не могло привести к полному тождеству такого текста с еврейской Библией, поскольку многие исправления были сделаны на уровне отдельных слов или выбора той или иной интерпретации. Зато были уничтожены и те скобки, которые использовались просто как знак пунктуации. В дальнейшем этот вариант текста многократно перепечатывался протестантами. В результате получилось, что существуют два варианта Синодального текста: православный и протестантский, не включающий те ветхозаветные книги, которые не входят в протестантский канон. Как правило, такие издания содержат подзаголовок «канонические книги». В последние полтора десятилетия Российское библейское общество стало издавать исправленный вариант такого текста, куда, по крайней мере, были возвращены несправедливо удаленные в издании 1882 г. скобки.

В 1926 г. Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 г., подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»).

Андрей Десницкий

ФЁДОР ГЛИНКА "РОДИНА"

Есть на земле безвестный уголок,
Уединённый, неприметный.
Знакомый лес, знакомый луг, поток,
И в них дух добрый и приветный.

Он издавна живёт в том уголке,
Летает птичкой по дубравам.
Шумит в бору, купается в реке
И улыбается забавам.

Сберётся ль в луг красавиц хоровод,
Он между ними невидимкой,
И под вечер он в сумраке поёт
Любовь с пастушеской волынкой.

Я не видал его в стране родной,
Но с ним почувствовал разлуку,
Когда, в очах с прощальной слезой,
Я посох странника взял в руку.

Он вокруг меня в унынии шептал:
«Куда? Не я ль тебя взлелеял?»
Он за рубеж меня Отчизны провожал
И грустью на меня повеял.

Казалось мне, покинут детства друг,
Который вместе рос со мною.
Недаром же с тобой разлуку, добрый дух,
Зовут по Родине тоскою!

Расписание богослужений с 11 по 17 июня 2018 г.		
11 июня Понедельник	Свт. Луки исп., архиеп. Симферопольского	
12 июня Вторник	Прп. Исаакия исп., игумена обители Далматской	
13 июня Среда	Мч. Ермея	
14 июня Четверг	ПРАВ. ИОА́ННА КРОНШТА́ДТСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
15 июня Пятница	Свт. Никифора исповедника, патриарха Константинопольского	
16 июня Суббота	Перенесение мощей блгв. царевича Димитрия из Ёглича в Москву	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
17 июня Воскресенье	НЕДЕЛЯ 3-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, СВТ. МИТРОФА́НА, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

БОРЬБА ЗА ДУШИ

Говорят, на каждую секунду приходится в мире один умерший. Каждую секунду где-нибудь душа, отрешаясь от тела, восходит туда, где определено ей принять Божие о себе определение. Секунда – это очень малый момент времени. Если б не мешало тело, мы могли бы видеть почти непрерывные появления светлых или темных полос, означающих путь восхождения отходящих душ, подобно тому, как видел Антоний Великий восходящего с ангелами авву Аммона. И души не одни восходят: их всегда ведут к Богу ангелы, и всегда преградить им путь покушаются демоны. Какое поэтому непрерывное движение происходит в невидимом мире, по всему пространству, отделяющему землю от неба!.. Физика ничего не видит в атмосфере, кроме воздуха с случайною примесью некоторых других атмосферных тел, а Откровение уверяет, что это есть власти «власти воздушных», «духов злобы поднебесных» (Еф.2:2, 6:12), которые не спят ни днем, ни ночью в хлопотах на зло нам. И в продолжение всей нашей жизни приседают в тайных, чтобы уловлять нас, как зверь уловляет добычу, нападая на нее нечаянно, и по отходе нашем отсюда не отступают от нас, а гонятся вслед – не удастся ли как-нибудь вырвать душу из рук охраняющих ее ангелов. Вырвать-то не могут, если только не будет в нас ничего ихнего, то есть чего-нибудь такого, от чего отрелись мы во святом крещении. А если есть, то беда: что-нибудь в этом роде есть то же, что запрещенный товар. На таможенных его отбирают и штраф еще берут. А там, в воздушных пространствах, товара не отбирают, но душу берут всю как есть. И рад был бы человек дать ка-

кой-нибудь откуп: да что дать-то в замену души своей?

Однако ж как же быть? А вот как: надобно все это запрещенное повыбросить прежде, чем придется проходить мытарства. Выбрасывается же оно покаянием, отвращением от греха и оплакиванием его. Сильна и молитва Церкви, сопутствующая отходящим, сильнее ее нет ничего на земле для душ христианских. Но чтоб она оказала спасительное действие над тем или другим, надобно, чтобы в том и другом было нечто, к чему бы она могла привиться, чтобы, сочетавшись чрез то с душою, могла она потом пускать из души отражающие и поражающие стрелы на нападающих врагов. Что ж это за нечто? Полнее бы – вера, любовью споспешествуема, но если нет этого, то покаянные чувства по вере в Господа.

СКОРБИ

«Многими скорбями, – сказал Господь, – подобает вникнуть в Царствие» (Деян.14:22). То же самое было одним из пунктов и апостольской проповеди.

Что удивительного! Если мир построен по идее Креста, если печати мировых событий отверзает Агнец закланный (Апок.5:6), то иначе тому и быть нельзя. Прискорбность должна составлять и составляет отличительную черту истинного пути жизни. Дивиться после сего надобно не тому, что есть скорби, а тому, что бывают еще светлые дни. Можно даже сказать, что последние есть случайность, что они посылаются Богом только для поддержания надежды на светлое будущее, чтобы мы не впали в отчаяние.

Что ж делают утешники? Строят столп вавилонский на трясине, выходят на войну, думая плясать и утешаться под стрелами врагов.

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Говорят, знание яснее, а вера призрачна. А на деле выходит не так: для веры все светло, для знания все темно. О духовной жизни и говорить уж нечего: тут для знания все темно, от начала до конца. И в общем-то течении жизни только вера ясно все видит, а знание располагает лишь вопросы, не решая их.

«Ведение, – говорит святой Исаак Сириан, – противно вере. Вера во всем, что к ней относится, разрывает узы законов ведения. Ведение не имеет сил делать что-либо без разъяснения и исследования – возможно ли быть тому, о чем помышляешь и чего хочешь. А вера требует одного чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов. Дом веры есть младенческое понимание и простое сердце. Ведение же ставит сети простоте сердца и понятий и противится ей. Ведение есть устав естества, сохраняющий его во всех стадиях, а вера совершает шествие свое выше естества. Ведение сопровождается страхом, вера – надеждою. В какой мере человек водится способами ведения, в той же мере связывается страхом, от которого не может освободиться. А кто последует вере, тот вскоре делается свободен и самовластен и, как сын Божий, всем пользуется свободно и самовластно. Эти способы ведения пять тысяч лет, или несколько меньше, или свыше того, управляли миром, а человек не мог поднять главы своей от земли и сознать силу Творца своего, пока не воссияла вера наша и не освободила нас от тьмы земного делания и суетного подчинения, при бесплодном парении ума. А между тем и теперь, когда мы нашли невозмутимое море и неоскудевающее сокровище, снова вождеваем уклониться к скудным источникам. Нет ведения, которое не было бы скудным, как бы много оно ни обогатилось, а сокровищ веры не вмещает ни земля, ни небо» (слово 25).